

Алексей ГОРШЕНИН

«ГАЛАКТИКА МОЯ — НОВОСИБИРСК»

Город на Оби в зеркале литературы

Всем на свете экзотическим

селеньям

Предпочитаю,

Всем столицам мира —

Город мой!..

Александр Кухно

Новосибирск — сравнительно молод и не имеет за спиной своей, подобно большинству крупнейших сибирских городов, достославной старины. Тем не менее, вряд ли какой другой город Сибири может похвастаться столь многогранным отражением в литературном зеркале. Он воспет и отображен поэтами и прозаиками нескольких поколений. Преломляясь в их художественном сознании, неся на себе отпечаток индивидуального мироощущения, того или иного исторического момента, образ столицы Сибири постоянно дополняется свежими деталями, красками, чувственными оттенками. Он всегда в движении, в развитии, как и сам Новосибирск, названный одним из наших литераторов «стремительным городом».

Одним из основателей Новосибирска мы считаем инженера-изыскателя железных дорог и выдающегося русского писателя Н.Г. Гарина-Михайловского. Но он еще и первый, кто сделал словесный набросок будущего города-великана. 17 июля 1898 года Николай Георгиевич по пути на Дальний Восток пересекал по новенькому железнодорожному мосту Обь. В дневниково-очерковом цикле «Карандашом с натуры» он по этому поводу напишет:

«Изменение первоначального проекта — моя заслуга, и я с удовольствием теперь смотрю, что в постройке намеченная мною линия не изменена. Я с удовольствием смотрю и на то, как разросся на той стороне бывший в 1891 году поселок, называвшийся Новой деревней. Теперь это уже целый городок, и я уже не вижу среди его обитателей прежней кучки смиренных, мелкорослых вятичей, год-другой до начала постройки поселившихся было здесь».

Однако настоящий литературный облик и образ свой, художественный и публицистический, город на Оби начал принимать значительно позже, в 1920-х, став административной и становясь индустриальной столицей огромного края. Павел Васильев, переполненный романтикой социальных преобразований в Сибири и в первую очередь Новосибирске, где он тогда недолгое время жил, с присущей ему эпической размашистостью в 1928 году писал:

Сибирь, настанет ли такое,
Придет ли день и год, когда,
Вдруг зашумят, уставши от покоя,
В бетон наряженные города?
Я уж давно и навсегда бродяга.
Но верю крепко — повернется жизнь,
И средь тайги сибирские Чикаго
До облаков поднимут этажи.

А его современник Владимир Заводчиков посвятил Новосибирску целую стихотворную повесть «Возникновение города», в которой предлагал свою поэтическую версию происхождения имени города:

нахальны: они хотели во что бы то ни стало жить. Новосибирск стал областным центром... Старые дома сносили. Улиц больше не было, и весь город превратился в стройку. Он был припудрен известкой. Он пах олифой, нефтью и смолой. Автомобили прыгали по ухабам, вязли в грязи и, тяжело дыша, вырывались на окраины... Возле города строили большой завод, чтобы изготавливать комбайны. Вокруг завода колосилась пшеница... Город все рос и рос... Еще больше разрослись разные «Нахаловки» и «Порт-Артуры». Люди слетались из окрестных деревень на яркий свет управлений, трестов и кино».

Любопытно, но облик и черты Новосибирска довоенной поры довольно часто обнаруживаются и в прозе 1960 — 1970-х годов. Вот, например, каким видит Новосибирск 1930-х героиня романа Анатолия Никулькова «В буче» Лида Москалева:

«Его широкие улицы, застроенные в большинстве таежными бревенчатыми домами, словно сразу были рассчитаны на проспекты. Они шли насквозь, без изгибов и закоулков, от Оби до Заельцовского бора и от вокзала до Каменки, и делили город на маленькие прямоугольные кварталы. На этих улицах не во что было упереться ветрам, которые свистели почти каждый день. Городу было сорок лет, всего лишь на год он был старше Лиды. Он прожил в девятнадцатом веке только шесть лет. Самым старым зданием считался торговый корпус на Красном проспекте, построенном в 1910 году. Длинный и кряжистый, он был подобием московских торговых рядов на Красной площади. Это двадцатитрехлетнее здание выглядело ужасно древним перед конструктивистскими коробками Доходного дома и Госбанка, перед прямолинейным профилем Дома Ленина. Город не лез ввысь, силуэт его был приземист и монотонен. Он раздался вширь на сибирских просторах. Только за одну пятилетку он шагнул на левый берег Оби, сметая корпусами Сибкомбайна село Кривощекково; он рванулся на восток, и загородная станция Ельцовка оказалась в центре нового соцгородка, он вторгся в Заельцовский бор и потеснил его крупнейшим в Сибири мясокомбинатом, получив за это звание «сибирского Чикаго»; на реке Иня вырос Первомайский район, возле новой станции Эйхе (нынешняя Инская — А.Г.), которую называли воротами Кузбасса. Город, как богатырь, притягивал железнодорожными линиями к себе всю Западную Сибирь».

Более того, Новосибирск в романе А. Никулькова предстает быть просто фоном, некой декорацией к сценическому действию; он уже часть самого этого действия. Герои произведения ходят по его улицам, живут в его домах, работают в его учреждениях, в контексте его каждодневного бытия решают свои моральные и нравственные проблемы. В общем, они органически связаны с ним.

В автобиографической трилогии Ильи Лаврова «Мои бессонные ночи» Новосибирск и вообще становится полноправным героем произведения. Ему в этом «романе-воспоминании» посвящены многие страницы, целые главы, в которых Новосибирск двадцатых-тридцатых годов предстает в живописных подробностях. Илье Михайловичу было что вспомнить. Ровесник революции, он в Новосибирске родился, вырос, окончил здесь в 1936 году театральный техникум, стал актером, сюда же, в горячо любимый им город, после пятнадцати лет скитаний по стране и выступлений на театральных подмостках многих городов СССР, он вернулся, чтобы, став профессиональным писателем, до последних дней радовать читателей замечательной прозой. И, пожалуй, ни у кого другого из наших писателей не найдем мы образа Новосибирска такой художественной силы, яркости и лирической проникновенности. В романе «Зарубки на сердце» (одна из частей «Моих бессонных ночей») читаем:

«Стоит июнь — месяц большого света, месяц длинных-предлинных дней, разгороженных коротенькими, как черточки, душными ночами. В мае и июне город мне всегда кажется праздничным. За долгую зиму отвыкаешь от солнца, от листвы, от цветов, и вдруг — теплынь, сияние, люди не в шубах, а в ярких платьях и светлых костюмах, деревья в сочной листве — все ново и именно празднично. В июле и в августе уже будет не то, привыкнешь к лету, устанешь от жары, и праздник уйдет. Сначала в городе зацветает черемуха. Она еще сыплет по ветру лепестковую метель, а ей на смену уже идет праздник сирени и яблонь. Снова всюду плывут в палисадниках и дворах белые и лиловые облачка. Едва они отдадут свой цвет ветрам, как начинает взвивать над городом пух тополя, напоминая о снеге. А в этой пуховой метели загораются огни на кустах шиповника. Ветер сметает в канавы, к заборам алые лепестки, запутавшиеся в прозрачных комках тополевого пуха. Город кажется особенно нарядным, прибранным... А день-то какой! Кто-

то огромный, синеглазый, в синей-синей рубашке, захватил его, как сухую шуршащую охапку соломы, и несет над землей. Похрустывает солнечная солома, сыплется реденько, по-синичьи позванивает, поблескивает на ней паутинками свет...»

Безусловно, Новосибирск в зеркале литературы отражен не в одних только городских пейзажах и лирических зарисовках. Да и представлен он, фактически, всеми жанровыми формами. Перу того же А. Никулькова принадлежит, с одной стороны, биографическое повествование о Н.Г. Гарине-Михайловском «Современник из нашего века», а с другой — фундаментальная литературно-критическая работа «Поэты большого города», посвященная поэтам Новосибирска разных поколений. А вот в романах «Первая любовь» и «Поэма о лесах» известного русского писателя Ефима Пермитина, начинавшего свой творческий путь в Сибири, весьма выразительно воссоздана литературная среда Новосибирска 1930-х годов. О крутых литературно-идеологических страстях, острейшей групповой борьбе, в частности, раскольнической деятельности печально известной группы «Настоящее», и многих других событиях литературной и культурной жизни Новосибирска двадцатых-тридцатых годов подробно и интересно рассказал в своих мемуарных книгах «Минувшее и близкое» и «Дни и годы» свидетель и очевидец тех событий, патриарх сибирской литературы Афанасий Коптелов.

Полувековой исторический путь Новосибирска от его зарождения до конца 1940-х годов, проследил в своем очерке «Город на Оби» один из самых преданных знатоков, патриотов и певцов Сибири Савва Кожевников. В этой своеобразной биографии Новосибирска, созданной на строго документированной основе, есть все, что удовлетворило бы и дотошного историка. Но существует в нем еще и индивидуально неповторимый образ города, есть люди, его создавшие, драматические события, развивающиеся по всем законам художественной прозы. Судьбы, чувства и мысли основателей и строителей города тесно переплетены с судьбой современной автору очерка столицы Сибири. Ну а эмоциональная приподнятость делает эту вещь при всей ее документальной точности по-настоящему художественной. Завершает же свой очерк С. Кожевников настоящим гимном родному городу:

«Мы, новосибирцы, любим свой город. Это наш родной дом. Он полон для нас ярких красок и родных звуков, — восклицает автор и вот какую уникальную особенность в нем подчеркивает: — На его улицах мы не ищем отпечатков седой истории. Их нет. Этот город на Оби весь в современности. Облик его сложился на глазах одного поколения. — (В предвоенные годы на улицах города действительно можно было встретить первых строителей, услышать по радио их воспоминания, и С. Кожевников о них в очерке тоже рассказывает А.Г.). — ...В дни юбилея города (1943 год — А.Г.) сыновья первых градостроителей сражались на фронте... Сын каменщика Ивана Покрышкина Александр, трижды Герой Советского Союза, стал гордостью советской авиации. Второй его сын, Алексей, служил в авиации на Дальнем Востоке, третий, младший, Валентин, учился в школе морских летчиков. Семья строителей, когда закладывались фундаменты города, семья слесарей, когда город стал машиностроительным центром Сибири, стала семьей воинов, когда страна надела военную шинель. Мы любим в Новосибирске свою юность, свой труд, свою мечту... Мы восхищаемся в Новосибирске великой творческой силой русского народа, поднявшего на своих плечах за каких-нибудь пять-десять лет город-богатырь, город-красавец».

Новосибирск военных лет литература тоже запечатлела. И не только в очерках, публицистике. Благодаря Борису Богаткову, Новосибирск прогремел в горниле сражений Великой Отечественной. В бою за Гнездиловские высоты на Смоленском направлении гвардии лейтенант Богатков поднял в критическую минуту свой поредевший взвод автоматчиков в атаку «Песней сибирской добровольческой дивизии» собственного сочинения, написанной незадолго до этого и уже успевшей полюбить бойцам.

Мы вышли из заводов,
Пришли с полей колхозных
Новосибирской области родной.
Немало получили

Враги ударов грозных
От воинов дивизии стальной... — пелось в ней.

А припев ее призывал:

Все, гвардеец, в боях изведай:
Холод, голод, смертельный риск, —
И героем вернись с победой
В славный город Новосибирск.

В стихотворении Елизаветы Стюарт «Обращении к старому городу» Новосибирск военной поры показан через факт собственной биографии: поэтесса работала ночным редактором ТАСС и готовила к рассвету сводки Совинформбюро. Ничем вроде бы не примечательная страница ее судьбы становится отправной точкой серьезных поэтических обобщений, к которым приходит автор:

Была всегда со мною рядом
Моя судьба, моя страна.
Она сквозь горе и сквозь радость
Во мне звучала, как струна.
Я постигала цену слова
И цену правды в слове том.
Седые матери и вдовы
Мне были мерой и судом.

Новосибирск военных лет возникает и в знаменитой эпопее Анатолия Иванова «Вечный зов». Один из ее героев Поликарп Кружилин приезжает по делам в город на Оби.

«Новосибирск большой, в основном деревянный город — был тих, пустынен и угрюм. Великая беда, гулявшая над страной, наложила и на него свой отпечаток. Давно не крашенные крыши и палисадники, покосившиеся ставни, обвалившаяся на стенах кирпичных домов штукатурка, разбитые во многих местах улицы — все говорило о том, что подновлять, ремонтировать, приводить город в порядок было некогда да и некому. ...Кружилин сказал:

— Такое чувство, что город вконец обезлюдел.

— Все там, — Субботин неопределенно махнул рукой. — И стар, и млад. Кто может и кто не может. Считай, круглосуточно в цехах, у станков...

Субботин махнул рукой куда-то перед собой, но мог махнуть в любую сторону — всюду и в самом центре города, и на окраинах, день и ночь дымили заводские и фабричные трубы, работавшие на войну. Дым гигантской тучей висел над городом, полностью рассасываясь лишь в ветреные дни...»

Но вот какая деталь в этой суровой картине тылового города, где все от мала до велика работают на фронт и Победу, поразила Кружилина. Это — оперный театр. Его начали строить лет десять назад, весь город принимал участие, и уже почти закончили, как разразилась война, и стройка заглохла.

«Эту привычную картину Кружилин рассчитывал и готовился увидеть и на сей раз. И поэтому невольно приостановился, выйдя на площадь. Покосившиеся, во многих местах с проломами, деревянные ограждения вокруг давно замершей стройки были поправлены и подновлены, кое-где к стенам зданий прилепились строительные леса, и на них маячили люди...

— Невероятно, — пробормотал Кружилин, испытывая волнение, причину которого осознать и понять еще до конца в первые мгновения не мог. — Решили, выходит, закончить эту... эту махину?

— Да, сейчас нам вроде и не до строительства театров, — проговорил Субботин ровным и бесцветным голосом. — Но правительство еще в прошлом году распорядилось эту стройку завершить. И кое в чем оказывает помощь».

Одна эта деталь красноречиво говорит о том, насколько велика была тогда, еще за два года до окончания войны вера в победу. Город, неустанно питая оружием и

боеприпасами войска западных фронтов, уже глядел в мирное будущее, наполненное соками культуры, символом которой и должен был стать красавец-театр.

Новосибирск военный отразится и в стихах более близких нам по времени литераторов. В начале восьмидесятых Виктор Крещик напишет «Балладу о сибирском городе и сибирском мальчике», посвященную Александру Покрышкину. А героем одноименной поэмы Леонида Чикина станет центральная фигура Мемориала Славы Скорбящая Мать, которая стоит «в самом центре России, //над площадью новосибирскую, //одетая в твердый камень — //в вечный камень гранит! — //открытая взгляду каждого, //сердцу любому близкая, //над Вечным Огнем Бессмертия». Здесь тоже, как видим, поэтами выбраны знаковые фигуры, помогающие им раскрыть лицо Новосибирска как города боевой и трудовой славы.

Вторая половина жизни Новосибирска тоже, конечно, не осталась без летописцев и воспевателей. Но здесь были свои вехи и символы, связанные прежде всего с экономическими преобразованиями Сибири и с превращением ее столицы в передний край науки. Кто, например, не помнит песню на слова Василия Пухначева «Над широкой Обью», сделавшуюся на долгие годы песенным символом Новосибирска. А поводом для ее рождения явилось строительство в середине 1950-х годов Новосибирской ГЭС. Один из главных его этапов, перекрытие русла реки, восторженно описал в стихотворении «Обь — великая река» Казимир Лисовский:

В бой вступая с пенным валом,
Целый день, всю ночь подряд
С ревом «МАЗы» — самосвалы
Камнем дно ее мостят.

Начавшееся чуть позже строительство городка науки дало новую пищу литераторам. Вот один из наиболее удачных, на мой взгляд, поэтических портретов выросшего в глухом лесу академического чуда, написанный Леонидом Решетниковым в стихотворении «В Новосибирском Академгородке»:

В таежный вписанный массив,
Как в раму вставленный набросок,
Он не закончен и небросок,
Но по-особому красив...

Здесь, «как аквариумы, зданья», где живут «счетные устройства, как мыслящие существа». Но удивительнее другое — идущие глубокой ночью через новые кварталы по старым тропам лоси.

И старый лось в пару дыханья
Стоит, скосив свой влажный глаз,
И долго смотрит в окна зданья,
Где спят биологи сейчас.

На такой вот символической точке пересечения человеческой цивилизации, прогресса и продолжающейся по своим извечным законам жизни природы заканчивается это стихотворение.

Академгородок, люди его фигурируют и во многих прозаических произведениях. Жизни ученых-физиков, инженеров, аспирантов посвящена, например, романы Д. Константиновского «...Следовательно, существую», «Яконур», в которых без труда угадываются многие академгородковские реалии, передана ни с чем не сравнимая атмосфера молодого научного центра.

Но особым вниманием сибирская наука, передним краем которой был Новосибирск, пользовалась у писателей-документалистов, мастеров очерка и художественной публицистики. Ее рыцарям посвящены многие очерки Замиры Ибрагимовой. Три десятка лет ученые и наука Сибири — главная тема творчества Ролена Нотмана, нашедшая свое итоговое выражение в двух его больших книгах — «Предназначение» и «Преимственность». Захватывающие документально-художественные повести о делах и судьбах ученых-сибиряков, их поразительных открытиях, путь к которым подчас головоломней любого детектива, пишет Геннадий Падерин. А такие его вещи, как «Земля под прицелом», «В зоне неизведанных глубин», «Вверх по реке времени», «Ловец ураганов», «Обвиняемый — страх» давно уже стали классикой этой темы и жанра.

Город бурного строительства, форпост науки не закрывал писателям и обыденной жизни Новосибирска с ее светлыми и темными сторонами. Так, например, широко известные читателям шестидесятых-семидесятых годов детективные повести Михаила Михеева «Запах шипра», «Сочинский вариант», «Поиск в темноте» основаны на реальных событиях и уголовных делах. Они воссоздают, с одной стороны, ту сторону криминальной среды Новосибирска, которую сегодня бы назвали теневым бизнесом или незаконным предпринимательством, а с другой — противостоящие им правоохранительные органы города. Запечатлен у М. Михеева чуть ли не с документальной точностью и сам Новосибирск.

Как и в произведениях прозаика более позднего поколения — Юниля Булатова. По стилистике его лирико-исповедальные, с налетом мифологизма и мистики романы «Дом, пахнущий хлебом» и «Танцующие» весьма далеки от повестей М. Михеева. Но и они обращены к той «резко континентальной» поро, когда, с одной стороны, радующие глаз новенькие, с иголочки, города и микрорайоны, а с другой — угрюмые подслеповатые насыпухи и бараки закаменских и ельцовских «нахаловок», ведущих свое летоисчисление еще со времен первых строителей Новониколаевска.

Все чаще, начиная с 1960-х годов, Новосибирск становится предметом поэтической лирики в разных ее формах. В лирическом репортаже «Признание в любви» Иван Ветлугин, «своим городом славным гордясь», видит в нем «облик и душу Державы». В «Сентиментальном путешествии» Галины Шпак родной город совершает с лирической героиней своеобразную экскурсию по знакомым переулкам и тупикам старой Закаменки, напоминая о детстве. А лирическая героиня стихотворения Нины Греховой «Стихи о моем городе», ведя с городом, как с дорогим человеком, сердечный разговор, просит: «Присяжь сюда //на краешек судьбы, //на самой грани счастья и печали».

Время меняет облик города, оно корректирует его художественное осмысление. И вот уже Геннадию Карпунину в стихотворении «Ты город. Ты огромный, разный...» Новосибирск с высоты Коммунального моста видится совершенно в духе эпохи НТР «живую огненную плазмой... как будто обнаженный мозг», становясь для поэта неким «особым состоянием». Александр Плитченко в поэме «Крылья» ощущает любимый город как «красное и могучее, //рабочее и молодое, //доброе и здоровое //сердце великой Сибири». Впрочем, поэму свою «Крыльями» автор тоже назвал не зря, потому что «здесь, на Красном проспекте —// родной, кулундинский, хлебный //ветер степных просторов //братски сливается с ветром Севера нефтяного, — так //возникают крылья //города моего. И за полетом его // не успевают песни».

Нинель Созинова прожила в Новосибирске более полувека. Биография города в значительной степени была тесно связана и с ее собственной судьбой. Что так или иначе отозвалось в ее творчестве. В поэме «Три города» поэтесса показывает «триединый» Новосибирск в разные исторические отрезки. Первый город — «заштатный, чуть не весь одноэтажный» с булыжными мостовыми, хозяевами которых «выглядели кони», а детвору с ума сводили первые аэропланы в небесах. Второй город — Новосибирск военный, по улицам которого «шагали Сибирской добровольческой бойцы», а из-за Урала в Новосибирск «переезжали целые заводы». («Сибирь и провожала, //и встречала — //в две

стороны //составы шли и шли... И вот третий, «нынешний, многоэтажный мой город», красивый, с огромными жилмассивами, новыми мостами, тремя Академиями, метрополитеном. Но, напоминает поэтесса, без прежних двух не было бы этого современного красавца-города, где продолжает гудеть огромная стройка. И о том нельзя забывать, как и тех, кто возводил и защищал его.

К сожалению, Новосибирск современный, город, отмеривающий годы своего второго столетия, в литературе нынешней представлен, прямо скажем, значительно меньше и слабее. То ли «лицом к лицу лица не увидать» (хотя перед писателями прошлых поколений такой проблемы, как правило, не стояло), то ли «не успевают песни» за продолжающим стремительно развиваться городом. Но свято место пусто не бывает. Вот и становятся далекие от поэзии поделки типа «я люблю тебя, мой милый город, мой Новосибирск родной» с легкой руки чиновников (да и просто «на безрыбье») словами чуть ли не официального гимна города. Так и хочется крикнуть, завершая этот обзор:

— Мастера слова, где вы? Не забывайте город родной!..

Опубликовано в «Сов. Сибири» к 115-летию города.